

ДАР КОМПЕТЕНТНОГО ПРИЗНАНИЯ

К 80-летию Вилена Черноволенко – одного из основоположников социологии в Украине

Abstract

This year January 26th was the Vilen Chernovolenko's eightieth birthday. He is one of the founders of Ukrainian sociology as an academic scientific branch. His career in humanities and social sciences amounts to a half a century of fruitful research, magistral and public activity. Socio-political atmosphere of 1960th assigned him a role of mastermind in the new to Ukraine branch of social knowledge. Institutional formation of the Ukrainian sociology occurred to a great extent thanks to his efforts. Vilen Chernovolenko is a patriarch of the Kievan academic sociological community, who reared the pleiad of eminent scientists and took part in laying the foundation of traditions which are alive until now.

Being quick on the uptake of innovations in development of sociology, he broke new ground of some perspective research trends on the problems of profession prestige, reproduction of brainpower, social and status stratification under conditions of transition to market economy and so on. In the set historical circumstances, Vilen Chernovolenko has never lost an ability of critical mind, the innovative spirit, and democratic style of scientific dialog with his colleagues and progeny.

26 января 2009 года исполнилось 80 лет Вилену Филипповичу Черноволенко, одному из фундаторов социологической науки и образования в Украине. Жизнь в науке В.Ф.Черноволенко — это полвека плодотворной исследовательской, педагогической и общественной деятельности. Время, сама общественно-политическая атмосфера 1960-х годов выбрали Вилена Филипповича на роль организатора новой для Украины гуманитарной отрасли знания. Институциональное оформление социологии осуществилось во многом благодаря ему. Вилен Филиппович стоял у истоков киевского социологического сообщества, воспитал плеяду видных ученых, заложил те традиции, которые сохраняются и поныне.

Системность мышления, истоки которой — в университетском философском образовании, конкретность и глубина видения позволяли Вилену Филипповичу вычленять самое существенное в социальных процессах и явлениях, чутко откликаться на все новое в развитии социологической науки, закладывая фундамент новых перспективных ее направлений — исследования престижа профессий, проблем воспроизводства научных кадров,

социально-статусного расслоения в условиях перехода к рыночной экономике и др. Действуя в заданных исторических обстоятельствах, В.Черноволенко сохранял острый критический ум, новаторский дух, демократический стиль научно-педагогического общения.

Как известно, далеко не каждый талантливый ученый способен быть и Учителем. Вилен Филиппович был им. Многим из нас несказанно повезло, что мы работали в творческой и доброжелательной атмосфере, им созданной и ежедневно подпитываемой его поразительной основательностью. Встреча с ним позволяла амбициозному новичку в науке трезво оценить свои знания и первые результаты работы, что впоследствии оказывалось неоценимым уроком. Но предъявляя высокие требования к ученикам, для самого себя он поднимал планку на еще большую высоту. Цепкая память, мысль, отчеканенная в безупречные фразы, четкое, без единого исправления, письмо, привычка работать в часы ночной тишины — вот лишь некоторые особенности индивидуального черноволенковского стиля научной деятельности. Образцом результатов такого стиля работы служит написанный Виленом Филипповичем раздел, с которого начинается учебник “Социология” (под ред. С.А.Макеева), выдержавший с 1999 года четыре издания. Помимо письменных, Вилен Филиппович был особо щедр на устные тексты — нетривиальные плоды неустанных умственных трудов, которые, в свою очередь, продуктивно направляли научные усилия учеников. Многим из нас памятливы “сократовские” беседы с ним на Владимирской горке, в ходе которых Вилен Филиппович проговаривал многие идеи, впоследствии ставшие основой будущих книг, статей, диссертаций. Он кропотливо прививал ученикам премудрость нашего ремесла, основы культуры научного труда, высокие этические критерии оценки исследовательской деятельности, искренне радовался их успехам.

Дорогой Вилен Филиппович! Ваши ученики и коллеги сердечно поздравляют Вас, добросердечного, обаятельного человека, настоящего ученого, внимательного педагога-наставника, с юбилеем! Мы от всей души благодарим Вас за счастье работы и общения с Вами! Желаем Вам здоровья, бодрости и семейного благополучия!

*Коллеги по Институту философии АН УССР
и Институту социологии НАН Украины*

ИНТЕРВЬЮ О В.Ф. ЧЕРНОВОЛЕНКО

Ниже представлена тематическая выборка текстов из серии биографических интервью, которые были взяты мной у В.Паниотто и В.Хмелько в рамках проекта КМИС “Лица социологии Украины” в 2006–2008 годах. Лейтмотивы наших бесед — индивидуальный профессиональный путь и возрождение (становление) социологии в Украине, идеалы, ценности, нормы профессиональной деятельности, противоречивый процесс взаимодействия индивидуальных и коллективных стратегий выживания и служения “музе” познания. Сначала в “застойных” (квазиблагодушных и латентно-кризисных), а потом и явных кризисных социокультурных и политико-гражданских контекстах конца 60-х — начала 90-х годов минувшего века.

Малая часть из этой серии опубликована (в соответствующей жанровой обработке) в: *Интерв’ю Володимира Паніотто Роману Ленчовському // Володимир Ілліч Паніотто : Біобібліографічний покажчик. — К.: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”, 2007. — С. 5–23.*

Роман Ленчовский

В.Паниотто: Если задаться журналистским вопросом об “отцах-основателях”, то основателем украинской академической социологии стал Вилен Филиппович

Насколько мне известно, в твоём профессиональном самоопределении роль Вилена Филипповича была весьма большой. В школе, как ты рассказывал, тебя интересовала психология, затем ты закончил мех-мат Киевского госуниверситета им. Шевченко. А когда появилась социология? Как ты впервые встретился с Черноволенко?

Социология появилась, кажется, на 3-м курсе. Наш преподаватель философии А.Яценко, желая разнообразить читаемый им курс, собрал группу энтузиастов и предложил изучить недавно вышедшую книгу “Математические методы в современной буржуазной социологии”. В эту группу входило несколько человек. Юра Белов со старшего курса был руководителем этой группы (насколько я знаю, он сейчас профессор факультета кибернетики университета Шевченко, зав. кафедрой теоретической кибернетики). Через несколько месяцев группа распалась, а меня это продолжало интересовать. Я стал искать социологов. В университете была лаборатория социологических исследований. Я туда пришел с предложением своих услуг, но мне сказали, что это никому не интересно. Завлабораторией, которого сейчас уже нет, стал потом читать лекции в университете и прививал, как мне сказал один из слушателей, “трехлетний иммунитет к социологии”, после его лекций уже никому не хотелось заниматься этой наукой. В том же 1968-м — или несколько раньше — был создан отдел социологии в Институте философии АН УССР.

Отдел Черноволенко?

Вообще говоря, да, но сначала его возглавлял Мирослав Попович, а уже, если не ошибаюсь, в 1969-м его возглавил Вилен Филиппович Черноволен-

ко. Но я какое-то время думал, что возглавляет отдел Михаил Лойберг, который вместе с Юрием Сикорским руководил деятельностью так называемой хоздоговорной группы. Это прообраз нынешних социологических центров. Группа искала заказы и проводила коммерческие исследования на предприятиях (Юго-Западная железная дорога, Львовский телевизорный завод и т.п.). Лойберг очень энергично приветствовал мое появление и сказал, что они мало что понимают в применении математики к социологии, но это нужно для расчета выборок и анализа данных проводимых группой исследований. Но потом я, в основном, работал с В.Ф.Черноволенко, которому фактически обязан своим выбором профессии. И я ему очень благодарен, так как социология — это чрезвычайно увлекательное занятие.

Получается, что ты появился в Институте философии вскоре после возникновения первой в Украине академической структуры по социологии? Можно сказать, был свидетелем и участником возрождения социологии?

Я бы даже сказал, что зарождения, а не возрождения, так как никакой преемственности с социологическими исследованиями, которые проводились до 1920-х годов, не было. Все, что было известно к тому времени, пришло с Запада. По одному из науковедческих критериев начало науки датируется первым научно-исследовательским подразделением. Если с этим согласиться, то, пожалуй, я могу считать себя участником создания социологии в этой стране, почти “патриархом”. Конечно, поколение “отцов-основателей” в советской социологии — это поколение как раз Вилена Филипповича. Но как-то даже странно подумать, что когда я пришел в отдел, то Вилен Филиппович был на 20 с лишком лет моложе, чем я сейчас!

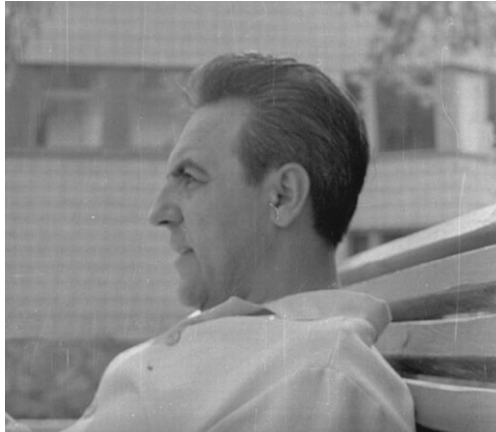
(Такие хронологические сальто вызывают в моей памяти рассказ моего тестя, когда ему было далеко за 70. Однажды он ехал в троллейбусе и помог какой-то дряхлой старушке подняться, она застряла на входе. Она его поблагодарила, потом внимательно посмотрела и говорит: “Вы меня не помните? Я была Вашей пионеркой”. Он, оказывается, был в ее школе пионервожатым. Когда мне сейчас очень солидные люди говорят, что были моими студентами, я себя чувствую точно так же, как он.)

Чем ты стал заниматься в отделе?

Меня с радостью встретили и попросили помочь с выборкой и обработкой данных социологических исследований. Курс “теории вероятности”, прослушанный в университете, мне не очень помог. Статистики в нем почти не было или я это плохо помнил, но зато обладал необоснованным самомнением, считая, что все могу вывести сам. Я делал необходимые расчеты, но очень неэффективно, выборка для первых исследований была завышенной, и только через несколько месяцев я сумел найти нужные книги и освоить нужную статистику. В 1969 году Черноволенко прислал мне приглашение проходить преддипломную практику в отделе, и кроме того меня взяли на работу на полставки. В этом же году в Новосибирске проходила международная школа-семинар “Математика и социология”, и мы с Черноволенко полетели на две недели в Новосибирск. Между прочим, то ли полуставовников нельзя было посылать в командировку, то ли я в это время еще не был оформлен, но почему-то я ехал с командировкой Владимира Матусевича, а его просили две недели не появляться в Институте.

Неужели семинар длился две недели?

Сейчас мне это тоже странно. Мировой конгресс по социологии — одно из наиболее крупных мероприятий социологов — длится неделю (в 2006-м году в нем принимало участие более 3000 человек, 122 секции). Или Всемирный конгресс Международного института социологии в Пекине: 124 секции, разбросанные по всему городу, масса людей — 5 дней. А тут одна очень узкая тема — математика в социологии — и наиболее известные ученые Советского Союза живут две недели в Академгородке в Новосибирске и обсуждают эту тему. Там был академик Амосов, Заславская, Аганбегян, Шляпентох... кого только там не было...

В.Черноволенко (Новосибирск, 1969)

Чем вы занимались в Новосибирске?

Я не помню, насколько активно Черноволенко участвовал в семинарах этой конференции, но у него там было много знакомых, и с некоторыми из них он меня свел. Я там впервые встретился с моим другом и соавтором нескольких книг Валентином Максименко, с Владимиром Шляпентохом, может быть, и с Амосовым, хотя, не исключено, что я уже был с ним знаком. Во всяком случае после Академгородка я стал участвовать в его семинарах в Институте кибернетики.

В Академгородке мы жили в одной гостинице, и я помню, как Амосов объяснил мне, что степень удовлетворенности зависит от отклонения от среднего уровня потребления. В буфете гостиницы были пирожные, которые мне очень нравились, и я ему их очень советовал:

– Николай Михайлович, ну что Вы только булочку берете, возьмите вот это пирожное, очень вкусное.

– Ты не понимаешь, я настолько редко позволяю себе есть булочки, что эта булочка для меня намного вкуснее, чем для тебя твое пирожное.

Кстати, Вилен Филиппович с большим интересом относился к кибернетике, и я думаю, что его сын Саша не случайно закончил факультет кибернетики и защитил диссертацию по кибернетике (Александр Черноволенко стал известным политиком, депутатом парламента, но мне жаль, что он перестал заниматься наукой).

Сейчас я понимаю, что эта конференция, на которую меня повез Вилен Филиппович, рискуя из-за меня неприятностями в Институте философии, имела большое значение для моей дальнейшей работы и для отношения к социологии вообще.

Мне кажется, что вообще в 1970-х отношение к социологии было более романтичным, чем сейчас...

Абсолютно с тобой согласен. Социолог в конце 1960-х — начале 1970-х — это супермен. В тех нескольких фильмах и спектаклях, в которых участвовал социолог, он резал правду-матку начальству и бил морду отрицательному герою. Я помню в один из первых визитов Лойберг учил Николая Сакаду, тогда еще аспиранта:

— *Послушай, Коля, социолог не может сказать “кальсоны”, фи, социолог скажет: “Нижнее белье”.*

При этом “белье” было в чем-то даже с французским прононсом. Мелочь, а я глубоко уважал социологов.

Да, своеобразное на первых порах у тебя было восприятие социологического романтизма...

Кстати, жаль, что у нас для истории социологии до последнего времени никто не делал ничего похожего на то, что делал в России вплоть до своей ранней смерти Геннадий Батыгин и сейчас продолжает эту работу бывший русский, но давно уже американский социолог Борис Докторов. Мы не раз об этом говорили, но так пока ничего и не сделали. Может быть, твои интервью помогут начать такую работу. В свое время Наташа Панина предложила очень интересную идею — проводить встречи социологов разных исторических периодов и устраивать что-то среднее между клубом “Белый попугай” и фокус-группой. Но это тоже пока что не удалось реализовать.

Мне бы хотелось передать ощущение социологического братства, которое существовало в то время. Мы почти все могли знать друг друга. Я знал всех социологов, которые занимаются математическими методами в социологии, и у меня в шкафу были все книги по социологии, изданные в СССР за десять лет.

А чем ты объяснишь это братство?

Скорее всего, внешним давлением и изначальной близостью ценностей. Социологического образования не было, в социологию пришли философы, экономисты, математики, физики, историки. В большинстве своем они рассматривали социологию как способ изучить эту систему и что-то в ней изменить, как некоторую альтернативу марксизму-ленинизму. Партийное руководство тоже подозревало в этом социологов, поэтому шла постоянная борьба. Особых дивидендов от занятий социологией не было, а был риск неприятностей, преследований, потери работы (как это было со многими пионерами социологии, например с Юрием Левадой). Когда после десятилетнего перерыва, связанного с разрывом связей после развала Советского Союза, я приехал в Москву и встретился со своими старыми друзьями, то оказалось, что они уже не являются такой единой группой, как раньше (раньше, правда, тоже были те, кто был ближе к “официозу”, и “истинные” социологи их недолюбливали, но остальные были достаточно близки между собой, особенно социологические математики). Вилен Филиппович поддерживал

связи как раз с истинными социологами. Потом внешнее давление пропало, возник рынок, борьба экономическая и политическая. Уже не было черно-белой картинки “мы–они”. Я объяснял российским друзьям, что мне грустно разбираться в их отношениях, у меня ностальгия по бывшему социологическому братству.

Ощущалось ли это братство в отделе Черноволенко? Как отношения в отделе влияли на твою дальнейшую судьбу в социологии?

После окончания университета (1970) меня взяли инженером в отдел социологии Института философии АН УССР, где я и проработал 21 год — до 1991-го. Точнее, я работал в одном и том же коллективе, но от Института философии отделился Институт социологии, и я перешел, таким образом, в Институт социологии. Первые годы в отделе Вилен Филиппович возился со мной, как со слепым щенком: я никак не мог усвоить правила идеологической игры, система обучения этим правилам на механико-математическом факультете была гораздо менее эффективной, чем на философском, откуда пришло большинство моих коллег в Институте философии. Мне нужно было многому научиться в Институте философии. Через год после прихода я подал на Ученый совет книгу о методах изучения межличностных отношений, но директор Института В.Шинкарук объяснил, что так не делают, никто не понимает, что я там такое пишу, поэтому нужно сначала защитить диссертацию, это будет некая апробация моего текста, а потом уже издавать книгу. Поэтому я переделал книгу в диссертацию, сдал необходимые экзамены и в 1973 году защитил кандидатскую диссертацию.

И тут роль Вилен Филипповича была ключевой. Во-первых, я бы наверняка не сдал кандидатские экзамены, если бы Черноволенко не посоветовал мне увлекательные книги — учебник по философии дореволюционного киевского профессора-идеалиста Георгия Челпанова, “Историю Западной философии” Бертрана Рассела и “Социальную психологию” Т.Шибутани. Причем выбор был настолько точным, что и Рассел, и Шибутани стали моими любимыми книгами. Книгу Челпанова с тех пор я больше не читал, но Черноволенко рекомендовал мне ее, видимо, с учетом моего математического образования. Аргументация Челпанова хорошо соответствовала логике моих рассуждений, как только у меня возникал какой-то вопрос, я сразу наткнулся в книге на фразу: “может возникнуть вопрос...”. Челпанов как бы предвосхищал мои вопросы.

Во-вторых, Вилен Филиппович решил непреодолимые для меня организационные проблемы, ведь в Украине вообще не было ни одного Совета для защиты социологических диссертаций.

Ты защищал кандидатскую по философии?

Формально — да. В Москве к этому времени уже была введена специализация “прикладная социология” для философских наук, но в Киеве — нет. Однако Черноволенко поехал в ВАК и добился разовой защиты по этой специальности за несколько лет до ее введения в совете по защитам Института философии. Так что я первый в Украине получил ученую степень кандидата философских наук по специальности “прикладная социология”.

Когда я сейчас думаю об этом, то поражаюсь тому, что Вилен Филиппович сделал для меня, и ощущаю чувство глубокой благодарности и стыда. Во-первых, я воспринимал все как само собой разумеющееся, во-вторых,

даже имея такой пример, я не готов ни для одного из своих аспирантов так сражаться с бюрократической системой и тратить столько времени на защиту их диссертаций.

В рамках одного большого профессионального дела порой складывается — отнюдь не всегда! — круг людей, которые друг с другом общаются более-менее интенсивно, регулярно, а главное — со значительным творческим эффектом. Мне кажется, что можно говорить и про “круг Черноволенко” среди киевских социологов, — конечно, в разной степени причастных... Если бы ты “замерил” время своего профессионального общения в 1970–1980-е годы, то с кем ты общался наиболее тесно и плодотворно?

Вначале, конечно же, в основном с Виленом Филипповичем. Позже я познакомился с Л.Финкелем, потом с В.Хмелько, с которыми мог обсуждать вопросы применения математики к анализу эмпирических данных.

Можешь ли ты сказать, что В.Черноволенко был твоим Учителем? Кого еще ты мог бы назвать из своих учителей в социологии?

В.Черноволенко был скорее моим наставником, чем учителем, так как он не был специалистом в математических методах в социологии. Вообще из-за отсутствия социологического образования все, кто пришел в эти годы в социологию, были самоучками (а некоторые и самозванцами). Большую часть профессиональных знаний в то время пришлось получать из книг.

Позднее, после 1985-го, после перестройки, начались контакты с Американской социологической ассоциацией. Я и мой друг Валерий Хмелько познакомились с Майклом Сваффордом и Мелвином Коном. Началась общая работа, совместные проекты, стажировки на Западе. Наверное, я мог бы назвать своими учителями Мелвина Кона и Майкла Сваффорда, но оба вели себя настолько деликатно, что все это выглядело как равноправное сотрудничество. Вилен Филиппович был не менее деликатен, но в первые годы ни о каком равноправном сотрудничестве не могло быть и речи. Когда я познакомился с Коном и Сваффордом, то был уже доктором наук, написал несколько книг, а когда пришел в отдел Черноволенко, то был студентом-математиком, имеющим самое поверхностное представление о социальных науках и полагающим, что математика позволит быстро навести порядок в этом “нечетком множестве” знаний. Вилен Филиппович помог мне пройти социализацию во всех смыслах этого слова, и в этом отношении его можно назвать Учителем.

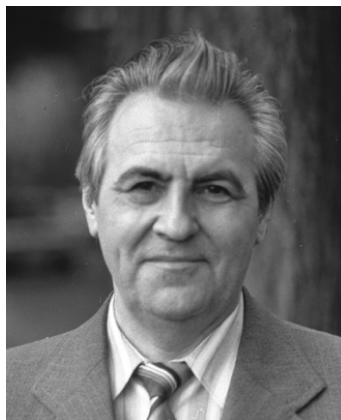
По поводу функций учителя и наставника я вспоминаю такую историю. В свой первый визит в Киев (кажется, в 1987-м) Мелвин Кон приехал с Джимом Дэвисом, тогда профессором Гарвардского университета, человеком, который организовал в США Общее социальное исследование (General Social Survey). Проект ISSP (International Social Survey Project), к которому КМИС совместно с Институтом социологии НАН Украины сейчас присоединился, является распространением этого проекта на другие страны. Мелвин Кон представил Джима Дэвиса как человека, который настолько посвятил свою жизнь студентам, что даже живет вместе с ними в общежитии. На меня такое самопожертвование произвело очень сильное впечатление, я очень сочувствовал Джиму до тех пор, пока через несколько лет не приехал в Гарвард и не побывал у него дома. В общежитии, в котором он жил, ему было отведено крыло 4-этажного здания, по несколько комнат на

каждом этаже. В огромной гостиной на первом этаже я заметил затерявшийся в углу “Стейнвейн” лишь через несколько минут пребывания (в моей нынешней гостиной даже небольшой кабинетный рояль занимает чуть ли не треть комнаты и доминирует). Это сильно убавило уровень моего сочувствия к необходимости жить в общежитии. Но то, что Мелвин говорил о посвящении жизни студентам, было чистой правдой. Оказалось, что Гарвард имеет уникальную систему общежитий, во главе каждого общежития стоит Наставник, студенты записываются к нему независимо от факультета и года обучения, создается такая коммуна, или, скорее, сообщество. “Моя роль — это что-то среднее между духовным пастырем и сестрой-хозяйкой”, — объяснил мне Джим. Конечно, Вилен Филиппович не решал бытовые проблемы сотрудников, как Джим Дэвис проблемы студентов, но, как мне кажется, участвовал в решении всех остальных проблем, был не только научным, но и “классным руководителем”, воспитателем.

Вспоминаю, что в 1970–1971 годах, когда я получал, если не ошибаюсь, 120 рублей в месяц, мне то ли для публикации статьи, то ли для перепечатки рукописи понадобилось 15 рублей, которые за меня почему-то уплатил Вилен Филиппович (не помню уже почему так вышло). Когда после получки я пытался их отдать, он у меня наотрез отказался взять — сказал, что возьмет, когда я буду получать столько, сколько он. Я это не забыл, хорошо помню до сих пор, но когда лет через пятнадцать-двадцать стал получать приблизительно столько же, отдавать деньги было уже как-то неуместно. Поэтому я поступил точно так же, как он — уплатил за одного из молодых сотрудников и сказал, что он отдаст, когда будет получать столько же, сколько я. Доброе отношение заразительно.

Насколько широким был круг людей, к которым Вилен Филиппович относился так же доброжелательно?

По-моему, это относилось ко всем, кого он брал на работу, во всяком случае, я не чувствовал к себе какого-то особого отношения. Конечно, для меня это было первое рабочее место, поэтому я все происходящее воспринимал как должное и не понимал, что бывают совсем другие руководители и совсем другая обстановка. Но даже при всем этом я думаю, что заметил бы, если бы к другим он относился как-то иначе.

В.Черноволенко (Киев, 1984)

Посмотри на этот портрет. Ты делал?¹

Да, по-моему, удачно получилось.

Это типичное выражение лица Вилена. Доброжелательное, чуть-чуть с прищуром, с некоторой маленькой дистанцией, с юмором, с иронией. Это для него действительно типично, таков его стиль?

Пожалуй, да. Я не помню, что для кого он делал, но думаю, что у него есть талант общения с людьми и интуиция, понимание людей. Он очень доброжелательный, внимательный, людей подбирал, если так можно сказать, поштучно. Давай вспомним тех, кто пришел в отдел социологии в начале 1970-х: Володя Волович (который позже стал деканом факультета социологии в Киевском национальном университете), Володя Матусевич, Валентин Тарасенко, Володя Поддубный, Толя Ручка, Лариса Аза, Наташа Лавриненко, позже Юра Яковенко.

Но Юру, насколько я знаю, уже ты приглашал, он же был твоим аспирантом.

Я не помню, как это было (нужно спросить у Юры), но Вилен Филиппович был заведомом и в любом случае он отвечал за принятого сотрудника и доказывал руководству, что нужно его принять. И дело не только в том, чтобы взять человека на работу, а в том, чтобы “вписать” его в коллектив, создать условия и атмосферу, в которой он мог бы радоваться жизни и радовать других или, по крайней мере, не мешать. Мне лично это было очень сложно. Когда я сам стал набирать людей, то первое время очень часто ошибался, брал тех, от которых потом и я, и другие не могли избавиться. Юра Яковенко — это как раз исключение, он был моим первым и наиболее удачным аспирантом, разница в возрасте у нас была не очень большой, и поэтому отношения были (и остаются) дружескими отношениями коллег, а не аспиранта и научного руководителя. Я могу гордиться также тем, что “совратил” социологией еще несколько замечательных людей (например, Андрея Горбачика), но в целом мой “коэффициент полезного действия” несопоставим с коэффициентом Вилена Филипповича. К тому же в то время он общался со всеми гораздо больше, чем в 1980-х, когда сформировались самостоятельные отделы в Институте философии, так что его влияние на молодых сотрудников было определяющим. В 1970-е также пришли Наташа Костенко, Сергей Макеев, Женя Головаха, Николай Чурилов. Ведь почти все, кого я назвал, стали докторами наук, возглавили отделы, кафедры, социологические центры. А еще были Николай Сакада, Кирилл Грищенко, Всеволод Тихонович, хотя, может быть, Грищенко и Тихоновича приглашал не Черноволенко, а Лидия Васильевна Сохань. Все это люди, которые составили ядро социологической науки в Украине.

У тебя были совместные публикации с Виленом Филипповичем, прежде всего “Престиж профессий...” (Престиж профессий и социально-профессиональная ориентация молодежи: (Опыт социол. исслед.) /

¹ Речь о портрете в фотогалерее директорского кабинета в КМИС.

В.И.Паниотто, В.Ф.Черноволенко, В.Л.Оссовский. — К.: Наук. думка, 1979). **Ты лучше многих знаешь, как он работал.**

С одной стороны, он перфекционист, если он что-то делает, он должен сделать это идеально. Он работает над каждой отдельной фразой, правит ее до такого совершенства, что потом уже нельзя ни строчки, ни слова изменить. Все это занимает невероятно много времени. С моей точки зрения, научный труд — это все же не художественное произведение, не стихи. Главное здесь — четко донести свою мысль, и если текст уже понятен, то нет смысла его шлифовать, на это уйдет в несколько раз больше времени, чем на его написание. Но Вилен Филиппович так не мог, он должен был его довести до совершенства. Во-вторых, это организация работы. Он как бы начинает одно дело, а потом, не заканчивая, берется за другое и, не заканчивая, берется за третье. Правда, при этом есть и нечто положительное, некоторые дела с более жесткими сроками выполнения отпадают, остаются только те, которые невозможно не выполнить.

Не могу вспомнить кто (кто-то из его друзей — Попович? Крымский?) подшучивал над Виленом Филипповичем и показывал, как он выбирает галстук: раздумья, колебания... Для него что-то выбрать и принять какое-то решение — это задача очень сложная. Учитываются все факторы, все очень обстоятельно, детально.

С чем-то из сказанного тобою я могу согласиться по собственному опыту работы с Виленом Филипповичем — в качестве редактора, в частности, и “Престижа профессий...” Только хочу добавить, что очень трудно было бы найти ещё таких авторов в двух Институтах — философии и социологии, которым редакторы и книжного издательства, и журналов были бы так *признательны* за тщательность, внимательность подготовки авторских рукописей. И ещё — настолько действительно *ответственного* “ответственного редактора”...

А как у вас проходили семинары, доклады?

Ну, конечно же, были семинары, доклады, обсуждения плановой темы, методик, диссертаций. Черноволенко и выступал и организовывал некоторые конференции. Но вот что из этого запомнилось... Вилен Филиппович просил меня прочесть несколько лекций для повышения статистической грамотности сотрудников (это было в 1970-м). К концу первой лекции или первого семинара, не знаю, как правильнее это назвать, все поголовно спали, включая Вилену Филипповича. Кроме меня бодрствующих не было. Потом приехал Валентин Максименко из Одессы (он работал с Ириной Марковной Поповой) и тоже провел такой семинар, тот же статистический анализ из той же серии лекций. И тут я понял, что такое настоящий преподаватель — блестящие глаза, голос, интонация, драматические паузы, четкость в изложении... Все были в восторге и говорили о том, как это интересно!

...Кстати, тот же Валентин Максименко рассказал мне такую историю. Кроме математики он больше всего увлекается музыкой. Он написал две толстые монографии об Одесском оперном, несколько сотен статей о музыке. И однажды “Вечерняя Одесса” заказала ему статью о первом выступлении Эмиля Гилельса в Одессе. Валентин обратился к Лазарю Саксонскому, старейшему одесскому пианисту, чтобы тот расспросил своих знакомых, но это мало помогло. Одна из его приятельниц сказала: “Лазарь,

что ты спрашиваешь, конечно же я хорошо помню это выступление Гилельса, неужели ты не помнишь? Я была в таком красивом красном платье!”. От других он не смог добиться чего-то большего.

Вот так и мои воспоминания о докладах Вилена Филипповича — не намного лучше: я даже не помню, в какой одежде был на этих докладах...

Впрочем, я не думаю, что его доклады сильно изменились после того, как я ушел из Института, и эти вопросы лучше задавать тем, кто продолжал вместе с ним работать. А общее впечатление, конечно, осталось: простота при высоком уровне интеллектуальной насыщенности.

Он пришел из философии, чувство уверенности общефилософское у него было, ориентация в идеологических каких-то вещах — тут вне сомнения. А каким был подход Вилена Филипповича в социологии?

Собственно в социологии, если говорить не об эмпирической социологии, а о социологии теоретической, конечно, он чувствовал себя уверенно, и это именно то, чему он учил остальных. Мне кажется, что у него был именно социологический подход, чувство социальной реальности, понимание тех процессов, которые происходят...

...Советской социальной реальности?

Разумеется, советской социальной реальности — другой мы не знали. Я думаю, что его тогда интересовало, как и многих из тех, кто пришел в социологию, что, собственно, происходит, где мы живем, что будет происходить с этой социальной системой. Благодаря Черноволенко мы стремились называть вещи своими именами, то есть у нас был двойной язык: один внутри отдела или в разговорах между собой, а другой — для внешнего мира, где вещи уже называются теми именами, какими требуют идеологические установки. Например, сама тема, которую выбрали — “Престиж профессии”...

Вилен Филиппович сам ее выбрал?

Он сам выбрал эту тему. И выбрал ее для того, чтобы можно было изучать социальную структуру, потому что фактически престиж — это представление населения о социальной структуре.

Такая лукавинка была?

Да, престиж отражает социальную структуру, может быть, восприятие людей, восприятие школьников. Но такая тема дает возможность читать литературу, рассуждать о социальной структуре и кое-что изучать эмпирически. Между прочим, Майкл Сваффорд, американский социолог, о котором я уже вспоминал раньше, тоже изучал социальную структуру СССР через престиж профессий. Правда, исходя не из идеологических соображений, а потому, что по престижу профессий были опубликованы наши данные, он их использовал и проводил опросы эмигрантов, сравнивая полученные результаты с нашими данными.

По сути дела, речь идет именно об этом, о своего рода “хитрости разума” (о которой писал Гегель, и многие советские философы, включая, конечно, и Вилена Филипповича, использовали этот ход мысли): ведь в данном идеологическом контексте изучать социальную структуру означало заходить на поле Глезермана и Руткевича, которые тонны бумаги исписали о “социально-классовой структуре советского общества” (с ними тогда надо было бы или “дудеть в

одну дудку” или выяснять отношения)... А “престиж профессий” — вот что вам позволяло, так сказать, сбоку на все это посмотреть...

Именно так. Мы бы, наверное, и хотели использовать американскую концепцию социальной структуры, исследуя власть, доходы и т.д. Но мы даже доходы не могли изучать, про власть же и говорить не приходится. Анкеты для опроса киевлян утверждал горком партии, вопрос “Ваши доходы” или “Ваша зарплата” считался провокационным, его задавать нельзя было. А тут кто-то из наших лидеров (не могу вспомнить — Брежнев или Щербицкий) сказал, что нужно поднять престиж всех профессий, что, конечно, дурацкая идея, поскольку это относительный показатель, если пятая по престижу профессия переместится на первое место, то первая станет второй, вторая — третьей и т.д. Но если поднять престиж всех профессий одинаково, то иерархия не изменится вообще.

Это кто-то из квазисоциологов или “научных коммунистов” вписал в речь. Они же сами ничего не говорили, кто-то вписал.

Во всяком случае, предполагалось, что эта тема имеет практическую направленность, что престиж можно использовать для регулирования потоков претендентов на те или иные профессии. Представлялось так, что мы, допустим, можем посадить пастуха на лошадь, назвать ковбоем или просто назвать ковбоем без лошади и таким образом решим проблему заполнения мест физического труда низкой квалификации, не вкладывая денег ни в автоматизацию, ни в улучшение условий труда. Это рассматривалось как важная тема. Под этим прикрытием можно было заниматься тем, что нас интересовало.

А с кем из социологов других городов и стран контактировал Вилен Филиппович? Кто входил в его референтную группу?

Ну, что касается стран, то в то время у советских социологов были, конечно, некоторые контакты с польскими социологами или социологами других стран социалистического лагеря, но это было возможно лишь для некоторых московских социологов. С западными социологами ситуация была вообще безнадежной. Те редкие контакты, которые могли возникнуть, когда они приезжали сюда, не имели бы продолжения и из-за идеологических ограничений, и из-за того, что практически все мы не разговаривали на английском. Вилен Филиппович не был исключением. Я помню, какого позора я натерпелся, когда в Киев приехал Рубен Хилл, который был президентом Международной социологической ассоциации с 1970-го по 1974-й и почему-то именно меня Черноволенко попросил сопровождать его. Рубен Хилл с переводчиком, который, как мне объяснили, почти наверняка был тайным сотрудником КГБ, поехал в моем сопровождении кататься по Днепру. И тут оказалось, что я не могу ответить на элементарные вопросы — женат ли, есть ли у меня дети и т.п. Пришлось общаться через переводчика. А когда начались более профессиональные вопросы, я вообще попал в стрессовую ситуацию. Рубен Хилл объяснил, что социология в разных странах занимает разную позицию по отношению к правительству. В США, например, она левая, и социологи-выпускники испытывают моральные проблемы, когда после окончания университета надо выходить на работу и укреплять существующую систему. А вот в Латинской Америке она правая и поддерживает правительство в борьбе с бастующими рабочими. Какова же со-

циология в Советском Союзе? Любой мой ответ через сотрудника КГБ грозил неприятностями. После этой встречи я решил выучить английский язык и пошел на трехлетние государственные курсы.

В.Черноволенко и Л.Оссовский (Ленинград, 1975)

Ну а контакты с отечественными социологами?

Вилен Филиппович, насколько я знаю, поддерживал дружеские отношения с Ириной Поповой (Одесса), Еленой Якубой (Харьков). Помню, мы ездили в Ленинград к Овсею Шкаратану, общались с ним и Владимиром Руквишниковым. (Это была первая наша поездка в Ленинград, у меня есть фотографии Черноволенко и Оссовского, сделанные во время этой поездки.) Вилен Филлипович также общался с Владимиром Ядовым, Андреем Здравомысловым, был хорошо знаком с Игорем Коном (Кон и Здравомыслов приезжали и в Киев на конференцию, которую организовал наш отдел), с Харчевым. Я думаю, что они и были его референтной группой. Не помню, общался ли он активно с Заславской, Грушиным и Левадой, но Ядов, Здравомыслов, Шкаратан наверняка входили в круг его регулярного общения. Были у него в Москве и друзья-философы.

В чем ты видишь наибольший вклад Черноволенко в развитие социологии?

Я думаю, что это создание украинской школы социологии...

А ты полагаешь, что есть такая школа?

Когда-то я брал интервью у Ядова для нашего журнала (он в то время был директором Института социологии АН СССР — главного такого института в Советском Союзе), и он говорил об украинской школе социологии, сейчас найду и процитирую [см.: *Философская и социологическая мысль*. — 1989. — № 7. — С. 50]. Отвечая на мой вопрос о том, на какой журнал он бы подписался и о перспективах сотрудничества с украинскими социологами, он сказал: «Я бы подписался на интересный журнал, в котором есть информация, отсутствующая в других. В частности, мне было бы важно

знать, что происходит в украинской социологии и философии, где есть отличные специалисты, думающие и высокопрофессиональные. Этим ответил и на второй вопрос — об украинской социологии.

Можно добавить, что на Украине сильна традиция методической грамотности, сопряженной с тонкой интерпретацией данных и хорошим концептуальным видением проблем. В свое время мы говорили о новосибирской социологической школе, об эстонской, свердловской... Украинская школа имеет свое лицо: это синтез теоретико-познавательного и прикладного на хорошей методической основе плюс сравнительно более молодой возраст ведущих специалистов. У вас, я думаю, хорошее будущее, оно — в опоре на молодежь, с которой работают старшие, “социологические метры”. Далеко не во всех научных центрах такая ситуация. Кое-где средний возраст сотрудников социологических подразделений переваливает за 40. В Институте социологии, например.

Мы можем активно сотрудничать по многим направлениям: в экономической социологии, в исследованиях личности, социологии труда, образа жизни, этнонациональной проблематике, само собой — в оперативных опросах общественного мнения (и настроений!) по ключевым проблемам перестройки”. Я думаю, ему было виднее, есть у нас школа или нет.

Ну, хорошо, поверим тогдашнему Ядову. Сегодня же тем паче социология в Украине должна иметь свои особенности...

Я хочу также достать с полки и процитировать редакционную статью журнала “Социология: теория, методы, маркетинг” [2004. — № 1. — С. 193], посвященную 75-летию Черноволенко: “Отдавая должное заслугам юбиляра, осмелимся все же утверждать, что главная из них — создание Института социологии Национальной академии наук Украины. Не умаляя роли тех, кто был непосредственно причастен к этому историческому для социологов событию, признаем — фундамент этого здания заложил он, Вилен Филиппович Черноволенко”. Я бы только уточнил, что речь идет не только о фундаменте, но и о личном участии в пробивании этой идеи, подготовке необходимых документов (у меня где-то есть целая папка, я помогал их готовить).

Мне кажется, что главный талант и заслуга Вилены Филипповича — это умелый подбор и воспитание социологов, которые пришли в эту науку в сложное для социологии время и продолжают работать до сих пор, создание творческой и дружелюбной атмосферы в отделе, а потом в Отделении социологии, формирование кадрового ядра украинской школы социологии и Института социологии НАН Украины. И если пользоваться журналистской терминологией и искать “отцов-основателей” этой науки в Украине, то, с моей точки зрения, именно Вилен Филиппович Черноволенко по праву может считаться основателем украинской академической социологии.

*Интервью проведено Р. Ленчовским.
Фото — В. Паниотто.*

В.Хмелько: Дар компетентного признания

Когда ты познакомился с Виленом Филипповичем?

Я познакомился с Черноволенко, когда он нам, студентам-вечерникам, читал теорию познания. Мое основное впечатление, оставшееся в памяти, связано с проблематикой его лекций, которая нашла отражение в его работе “Мировоззрение и научное познание” (Киев, 1970). Это было для меня наиболее заметной частью его лекций, так как я как раз тогда занимался проблемами воспитания студентов-иностранцев, и мировоззренческая задача была одной из основных. Думаю, мне так запомнились те его лекции, которые касались мировоззрения, из-за того, что этот свой предмет он излагал в такой форме, которая последовательно, шаг за шагом логически вела к его концепции. Это не было нечто готовое (типа “бери и пользуйся”). Он подводил слушателей к своим выводам, вовлекая их в совместные размышления.

Это высокая профессиональная культура?

Высокая культура и педагогическая, и культура мышления, и философская культура. Культура мышления очень высокая, неспешность, стремление не сразу предложить готовый результат, сэкономив время (как другие преподаватели, которые просто давали что-то такое), а именно умение сделать слушателя своим соучастником, сотворцом результатов, к которым приходит преподаватель. Эта черта мне запомнилась и в последующих неоднократных беседах с ним, когда мы обсуждали какие-то проблемы. Это был именно способ размышления (чем-то он ассоциируется с тем, что мы знаем из курса истории философии о перипатетике — я имею в виду способ размышления).

Диалогический способ...

Да, диалогический способ. Постановка вопроса, рассуждения, возможные варианты, аргументы в пользу одного или другого. В общем, это стиль и преподавания, и мышления, и, на мой взгляд, очень важная черта его личности.

В этом он во многом отличался от других преподавателей...

Именно об этом я и говорю, потому что я таких других не помню. Таким Вилен Филиппович запомнился мне как преподаватель. А то, что он заинтересовал меня проблематикой, — это безусловно. Когда возник вопрос, чтобы выбрать тему курсовой, я выбрал именно тему мировоззрения.

Курсовую ты тоже писал у него?

Да. Курсовая работа в первом варианте называлась “О некоторых аспектах понятия мировоззрения”. Я ее разыскал, правда, это уже не первый вариант, но тема еще здесь сохранилась первая... Здесь есть ссылка на его монографию 1970 года... Я знал, что он участвовал в проекте Копнина “Логика научного исследования”, но “Логика” вышла на 5 лет раньше. Там его глава тоже посвящена мировоззрению. Это его тема, по которой он защищал кандидатскую диссертацию. К тому времени, когда он у нас читал, он уже защитился.

В одной из последних книг по философии науки встретил ссылку на его книжку “Мировоззрение и научное познание”. Долгожительство текста, особенно написанного в советское время, — это знак хорошего качества.

Конечно. То, что эта книжка была очень интересна для меня тогда, очень полезна, я хорошо помню. По этой тематике я написал курсовую, и с этого только началось наше тесное общение. Прочитав курсовую, Черноволенко предложил мне сделать из нее статью. Первая моя статья (“Світогляд особи: психологічна структура і функції”) из опубликованных в нашем украинском республиканском журнале “Філософська думка” как раз и представляет основное содержание той курсовой работы. Вышла она позже, выход ее задержался, но в тех дискуссиях, которые произошли между В.Ф. Черноволенко и В.И. Шинкаруком из-за публикации этой статьи, Вилен Филиппович проявился как личность, проявилась его мировоззренческая позиция. Сначала никаких дискуссий не было, просто Шинкарук как главный редактор журнала статью все время откладывал, и она пролежала довольно долго.

А Вилен Филиппович уже перешел в Институт философии в то время?

Да, он уже перешел в Институт, входил в редколлегию, поэтому участвовал в обсуждениях статей. Черноволенко как раз и настоял на том, чтобы обсудить в редакции эту статью, которую он рекомендовал к печати. Основное возражение Шинкарука на обсуждении против публикации состояло в том, что он считал ее неправомерной попыткой “протащить” в мировоззрение неосознаваемые компоненты психики. Он считал, что мировоззрение — это чисто сознательное образование.

Это Вилен Филиппович тебе пересказывал?

Да, это я знаю именно со слов Вилен Филипповича. Речь шла о том, что мировоззрение — это результат работы мышления, сознания и т.д. Черноволенко говорил, что, конечно, мировоззрение — результат работы сознания, но на какой-то же и эмоциональной основе оно покоится, не строится же оно как чисто логическая конструкция, которая вообще не затрагивает никаких интересов, ценностей и потому не вызывает никаких эмоций. Там, где есть интерес, есть и эмоции. Но это Шинкарука не убеждало. Я помню только некоторые аспекты из пересказа Черноволенко о том, как шло обсуждение, но эта дискуссия продолжалась, как говорил Черноволенко, примерно около часа. Самое забавное, как говорил Черноволенко, что Шинкарука удалось убедить, задав ему несколько вопросов. Черноволенко спросил: “Владимир Илларионович, мы ведь с вами интернационалисты?” — “Безусловно”. — “В нашем мировоззрении эта черта является достаточно существенной?”. — “Безусловно”. — “Скажите, какой первой была бы Ваша реакция, если бы Лена, Ваша дочь, пришла и сказала, что она выходит замуж за Джона из Нигерии?” Шинкарук буквально на минуту задумался и потом сказал: “Печатайте”. Вот, собственно, логика чувств и подвела его к такому решению.

Валерий, а как готовилась курсовая? Твои контакты во время подготовки? Он смотрел черновики или ты дал ему готовый текст, и это его вполне устроило? Были ли какие-то доработки?

Доработки были, но только по полному тексту. Поскольку мы с ним сначала обсудили концепцию и тему в общих чертах. Она называлась достаточ-

но обще: “О некоторых аспектах понятия мировоззрения”, а дальше речь шла о том, какого субъекта это образование, потом о том, принадлежит ли оно субъекту только как его сознание, что являлось обычным для нашей литературы (это был второй раздел). Здесь он мне, кстати, подсказал посмотреть работы Антонио Грамши, и я действительно нашел у Грамши рассуждения на эту тему, цитировал их. Третий раздел — это форма существования мировоззрения. То есть гипотеза была такая, что это не полностью осознаваемая самим субъектом некоторая конструкция его психики. Это третий тезис. Тогда, собственно, и Черноволенко говорил, что для него это сначала было неожиданно, он сначала с сомнением отнесся к этому, но когда я рассказал, что имею в виду, он вспомнил о Грамши.

Он подсказывал тебе кроме Грамши еще какие-то источники?

Ты знаешь, это хороший вопрос. Я сейчас прохожу по тексту и вспоминаю, что он мне рекомендовал “Введение в марксистскую гносеологию” Копнина. Эту работу он мне точно подсказал... Еще статью Копнина о природе и особенностях философского знания в “Вопросах философии” (1969 года), “Социальную психологию” Шибутани. Возможно, Кречмара “О понятийном аппарате социологической концепции личности”, но в этом я не уверен. Он точно советовал мне посмотреть статью Шинкарука “Марксистсько-ленінська філософія і світогляд” в первом номере журнала “Філософська думка” за 1969 год (данная статья открывала номер и этот журнал вообще. Она была концептуальной для самого Шинкарука и всей “киевской школы”. — *Р.Л.*). Возможно, что Ойзермана тоже он мне посоветовал — “Проблемы историко-философской науки” 1969 года. Пожалуй, может быть, и книгу Рубинштейна “Бытие и сознание” 1957 года. И кстати, “Лекции по социологии” Левады (“Информационный бюллетень” Советской социологической ассоциации”. — 1969. — Вып. 2. — № 6). Вот то, что мне запомнилось из советов по чтению, когда я готовил курсовую. Когда я ее закончил и ему отдал, то его замечания в основном касались формы изложения, по содержанию я не помню ни одной беседы или дискуссии. А насчет того, как подавать это в журнале, я помню, его советы были конструктивными, и они исходили из той идеологической реальности, которую он представлял себе гораздо лучше, чем я.

Ты делился с ним зреющими у тебя идеями, замыслами?

Да, особенно важной была для меня его реакция на вторую мою курсовую работу, по истмату, “О социально-классовом положении интеллигенции в советском обществе”, которую я писал у Павла Васильевича Курочкина (преподаватель философского факультета КГУ им. Т.Шевченко. — *Р.Л.*). Тот, оценив работу на “отлично”, посоветовал мне, чтобы не нажить неприятностей, никому ее не показывать, а следующую курсовую и дипломную работу писать у Анны Ивановны Горак (преподаватель философского факультета КГУ им. Т.Шевченко. — *Р.Л.*). Мне важно было узнать, как отнесется к этой работе Черноволенко, поскольку работа была, фактически, по социологии. А основным ее выводом было заключение о том, что выделение всей интеллигенции как особого класса (или социального слоя наряду с классами) в той же мере неправомерно, как и включение всей интеллигенции в основные классы в качестве внутриклассовых слоев. Лишь часть интеллигенции — условно говоря “распорядители” средств производства и труда других людей — характеризовалась как особый социальный слой на-

ряду с классами, а большая часть интеллигенции — как внутриклассовая прослойка класса работников физического и умственного труда.

Прочитав эту работу, Черноволенко мне позвонил и предложил встретиться. Это был не первый случай предложения встретиться, но всегда я сам ему звонил, он назначал время, а потом мы с ним встречались, обычно вечерами, гуляя по бульвару Шевченко и разговаривая. Он тогда жил ближе к площади Победы, с правой стороны. Мы с той стороны и поднимались к входу в Ботанический сад, не переходя на другую сторону, где машины поднимаются вверх (так как там они газуют, говорил Вилен Филиппович, то надо идти по той стороне, где они идут вниз). По Ботаническому саду мы тоже иногда ходили, иногда по парку Шевченко и обсуждали разные проблемы.

Незадолго до того случая, когда он позвонил ко мне, он читал мою другую работу, не студенческую, а отчет научно-исследовательской группы преподавателей КГУ факультета для иностранных граждан “Методика конкретизации, согласования и фиксирования задач формирования положительного отношения студентов-иностранцев к советской действительности”, которую отправили в его отдел на экспертизу. Мы с ним встречались, чтобы ее обсудить, и после нашего разговора об этой работе я отдал ему текст своей курсовой об интеллигенции.

Это было в то же время, когда он читал нам свой курс?

По-моему, это было позже. Когда мы встретились после того, как он впервые сам позвонил и предложил встретиться, наша прогулка и беседа длились очень долго. Основное, что я запомнил из того разговора, — это то, что он рассказывал о работе Джиласа “Новый класс”, говорил о том, что результаты, к которым я пришел, очень напоминают идеи Джиласа. И о том, что многое в нашем обществе требует изучения. Потом стал спрашивать меня о моих планах, и после многих вопросов вдруг спросил: “Что же Вы все-таки собираетесь делать дальше, когда закончите философский факультет? Будете организовывать политическую борьбу, писать манифесты и листовки или заниматься изучением этого общества, выяснением того, что же оно из себя представляет?” Я сказал, что, прежде всего, я хочу разобраться в этом обществе, а что будет потом, трудно сказать. Я не думаю, что можно быстро разобраться в том, что делать с этим обществом, и обстоятельства покажут, что тогда делать. Его реакция была такая: “Я считаю, что это правильное решение, и у нас есть все основания к тому, чтобы сотрудничать”.

После этой курсовой, поскольку она уже непосредственно касалась социологии в отличие от статьи о мировоззрении, хотя там тоже речь шла об эмпирических подходах к социологии личности, контакт у нас установился еще более тесный и доверительный. Мы с ним часто беседовали о проблемах политических, о том режиме, который у нас был (это еще брежневское правление), о ситуации после оттепели, о том, что собой представляли и “культ личности”, и оттепель. Эти беседы были нечастыми, раз в неделю или две, но они были регулярными. Я помню, что тогда я уже готовил диплом (следующую курсовую работу и диплом я делал у Анны Ивановны Горак).

Как это совмещалось?

Как это совмещалось, я сейчас уже плохо помню. Дипломную работу я, помню, закончил весной 1971 года, а курсовую у Анны Ивановны — в конце

1969 года. Она была опубликована в сборнике “Вісник Київського університету” (Сер. Філософія. — 1970. — № 4).

И ты ее тоже давал читать Вилену Филипповичу?

Да, это была тема, связанная с социальной структурой — “Производственные отношения как система определенных социальных зависимостей”. С темой курсовой, которую я делал у Курочкина, я решил разобраться более детально. Одним из результатов обсуждения этой работы с Черноволенко была постановка ряда вопросов о том, что представляют собой производственные отношения. Он говорил примерно так: “Анализ, который вы провели, основывается ведь на выделении в отношениях собственности отношений владения, пользования и распоряжения средствами производства. Но важно уяснить, что собой представляют производственные отношения как предмет социологического исследования, то есть как отношения социальные, складывающиеся между людьми, и как можно было бы подойти к их эмпирическому исследованию. Пока есть лишь кое-какая статистика о некоторых результатах того, что получается при структуризации общества производственными отношениями. Вопрос же в том, благодаря каким их свойствам и как именно они эту структуризацию обеспечивают”. В результате размышлений над тем, что говорил Черноволенко, я и предложил Анне Ивановне написать под ее руководством курсовую работу о производственных отношениях как социальных зависимостях.

Изначально курсовая писалась на русском языке, но для “Вісника Київського університету” я перевел ее на украинский, и она была опубликована под названием “Про виробничі відносини як систему певних соціальних залежностей”. Это тот результат, к которому я пришел в результате работы с текстами Маркса. И, кстати, результат, в операционализации которого и в построении соответствующих индексов я все еще надеюсь продвинуться. Но, как бы там ни было, интерес к переходу от проведенного анализа социально-классового положения интеллигенции к анализу производственных отношений как основной детерминанты структуризации общества был одним из тех творческих стимулов, который передался мне от Черноволенко. Эту работу он тоже читал, она ему понравилась. И мы обсуждали с ним, чего же не хватает для того, чтобы получить все-таки методику измерений тех социальных зависимостей, которые формируются в производственных отношениях.

Валерий, перед тем как перейти к дипломной работе, давай все-таки этот сюжет не забудем — его отзыв на твою работу о методике разработки программы воспитания студентов-иностранцев. Или это было после дипломной работы?

Это было перед дипломной работой. Этот отзыв как раз был после отзыва на курсовую, которую я написал под его руководством, и после отзыва на эту работу, после того, как мы пришли к выводу, что нужно заниматься не реорганизацией общества, а ре-осознанием общества. Тот уровень, который существует, говорил Вилен Филиппович, по сути дела, требует переосмысления. Он употребил для этого какой-то подобный термин, который я сейчас не помню. Тогда мы стали чаще встречаться, обсуждать, это было связано с подготовкой дипломной. А параллельно в его отдел пришла на отзыв наша работа по методике разработки программы воспитания положительного отношения студентов-иностранцев к советской действительности. Так

она полностью называлась. Работа была сделана на основе экспертного опроса методом интервью руководителей пяти уровней трех линий руководства (партийной, административной и комсомольской) о ценности и практической важности положительного отношения студентов-иностранцев к разным сферам советской действительности. Советская действительность была представлена как 15 ее сфер, и их нужно было проранжировать сначала по относительной ценности положительного отношения к ним иностранцев, а затем, по очередности того, к чему положительное отношение студентов-иностранцев необходимо как минимум. Опрос экспертов проходил последовательно, снизу вверх, по трем ветвям иерархии подчиненности, начиная от заведующих кафедрами, секретарей комсомольских организаций кафедр и секретарей их парторганизаций, потом, соответственно, руководства факультета, секретарей его комсомольских и партийных организаций, потом университета, потом руководителей соответствующих отделов горкомов партии и комсомола, министерства высшего образования и ЦК партии Украины и Союза. То есть опрос тех, кто ставит задачи, для того, чтобы они поставили их конкретно, потому что отношение к советской действительности имело много аспектов. Необходимо было ранжировать эти аспекты, выделить, что в первую очередь нужно разрабатывать, методики формирования и главное — контроля за тем, что же удастся достичь.

На каком уровне утверждалась эта тема? Ведь там были люди, которые засвечивали свои взгляды, в том числе и недомыслие?

Конечно, поскольку это было не анонимно, сразу говорилось, что это экспертный опрос, поэтому суждения экспертов разного уровня имеют разный вес, выстраивалась такая табличка, где колонками были списки фамилий: вот этот на первом месте — такое указание... В Министерстве нашем украинском очень не хотели, чтобы это дальше двигалось. Они были не против, чтобы мы организовывали в соответствии с полученными результатами программу, методы разрабатывали и прочее, у нас эта работа продолжалась. Но они очень не хотели, чтобы развивалось дальше направление по конкретизации целей воспитания, чтобы снова какие-то опросы проводились с начальственными лицами, чтобы мнение каждого стало видно. Потому что в Москве очень заинтересовались этими результатами. Самый главный в ЦК партчиновник (из ответственных за работу со студентами-иностранцами в Советском Союзе), когда я ему эти материалы привез, сказал, что наши данные вызывают интерес, сразу видно “у кого какая дурь в нашей системе”. Очевидно, это его отношение повлияло на отношение к дальнейшему применению метода экспертных опросов для этих целей в подчиненной ему парадии. Нельзя сказать, что это совсем затормозило нашу работу: методы исследования студентов-иностранцев, пожалуйста, разрабатывайте, а выяснять детальнее для чего именно, — увольте.

Что было передано на отзыв Вилену Филипповичу?

Ему пошел от факультета запрос на внешний отзыв именно о методах и полученных результатах, до того как они были посланы как результаты работы в министерства и вышестоящие партийные органы (внутреннее рецензирование прошло в университете, а теперь было внешнее — по отношению к университету). Министерство требовало внешнюю рецензию, и тогда отправили в Институт философии, в отдел социологии. И Черноволенко пе-

редал эту работу Паниотто, пояснив, что из-за сложной математики больше никто в этом не разберется. Кстати, наши, до этого довольно спорадические, контакты с Паниотто (на семинарах в отделе Амосова в Институте кибернетики по социальному моделированию) стали гораздо более активными. Во многом благодаря тому, что Черноволенко нас свел вместе. Потом мы общались с Паниотто, поскольку были вопросы по работе, он действительно в этом разобрался и очень положительно отозвался, но были вопросы и по ходу дела, не все было изложено достаточно четко и понятно читателю, даже хорошо подготовленному. Самые большие сложности там были с математикой.

А что сам Вилен Филиппович говорил по поводу этой работы?

Он считал, что это действительно научный подход, говорил: “Насколько они это могут сделать своим инструментом — это, конечно, вопрос”. И, по-моему, именно в этом контексте он процитировал мне слова Грушина, ставшие впоследствии крылатыми: “Нужна им эта социология, как Чингисхану Ученый совет”.

Да, это как раз те годы, когда Грушина изгнали из “Комсомольской правды”?

Во всяком случае, это было после Всемирного социологического конгресса в Варне. Это точно было после, потому что очень много тогда было разговоров о социологии, поскольку в Варне впервые на международном уровне были представлены работы советских социологов.

Вилен Филиппович тоже ездил в Варну?

Нет, Вилен Филиппович не ездил. Из Украины только молодежная группа ездил, как якобы студенческая группа, для студентов там были всякие скидки (проезд был дешевле, проживание)... На таких конгрессах есть определенные гранты для того, чтобы студенческая молодежь могла слушать метров, тех, кто их интересуется, потому что они там все выступают. Там как раз был знаменитый доклад Даниела Белла о постиндустриальном обществе. Это было в 1970 году в Варне... Я-то был студентом, но вечернего отделения философского факультета, и попал в эту группу от Университета только потому, что социолог в отделе науки украинского ЦК комсомола, В.П.Култыгин, заинтересовался нашей работой.

В ваших прогулках-беседах всплывала Чехословакия?

Да, точно всплывала. Я не помню, чтобы у нас оценки расходились, напротив, отношение было одинаково критичным. Мы затрагивали “события в Чехословакии”, как тогда говорили, когда обсуждали положение интеллигенции, устройство общества. Это первая половина 1968 года. Когда “Пражская весна” была еще в разгаре, и у Вилена Филипповича и у меня была надежда, что это может стать некоторым прорывом, новым этапом оттепели. А все это было просто задвинуто грубой силой. Примерно такого рода оценки в наших разговорах и звучали. Я не помню, чтобы они чем-то отличались. Это было глубоким разочарованием, хотя Вилен Филиппович и высказывался менее эмоционально. Я помню, что в наших разговорах с ним у меня часто верх брали эмоции. Он еще шутил, что во мне холерик берет верх над сангвиником.

Валерий, есть еще одно обстоятельство, которое я хотел бы зафиксировать. Черноволенко — преподаватель, ты — студент, хотя ты тоже был тогда преподавателем, и в каком-то смысле вы могли раз-

говаривать как коллеги. Но все-таки ты был его студентом. Как ты думаешь, насколько такая ситуация уникальна, что ты с преподавателем обсуждаешь достаточно острые политические сюжеты?

Роман, это ведь случилось после того, как мы очень откровенно обсуждали вопросы мировоззренческие и вообще такие, какие явно были не в ходу: соотношение бессознательного—сознательного... Советская идеология для Вилена Филипповича была явно чуждой. Это был первый шаг к сближению. Второй — когда он прочитал мою работу по социально-классовому положению интеллигенции, то он имел возможность увидеть, в чем состоит мой подход к подобным вещам, и подход этот ему явно импонировал. Он же прямо об этом сказал: “Важно, какие выводы вы собираетесь из этого делать — заниматься политической борьбой или наукой”. Когда он понял, что политическая борьба без осознания, изучения социальной реальности меня не привлекает, тогда он и стал со мной разговаривать более откровенно. Я ему рассказывал, как Курочкин отреагировал, отправив меня к Горак. С Анной Ивановной Вилен Филиппович — давние друзья. Анна Ивановна очень высокого мнения о Черноволенко, а Черноволенко — об Анне Ивановне. Короче говоря, у нас установились взаимно доверительные отношения, это не были уже отношения формально студента и преподавателя, а в каком-то смысле отношения учителя и ученика, только в одном статусе — преподавательском. Но это не было “на равных”: Вилен Филиппович всегда называл меня по имени, а я его — по имени и отчеству. Никогда не было, чтобы я его называл по имени или чтобы он меня по имени и отчеству в неофициальной обстановке. Это отношения разных поколений — учительского и ученического.

Давай поговорим о твоей дипломной работе. Черноволенко ее читал? Чья рецензия на нее была?

Чья рецензия — я точно не помню, скорее всего, Черноволенко. Но, вот то, что он ее читал, это — безусловно. Я помню точно, что по поводу наиболее абстрактной части этой дипломной работы он организовал нашу встречу с одним философом из Института философии, чтобы обсудить мою интерпретацию онтологического содержания и соотношения таких общих понятий, как отношение, связь, зависимость и взаимодействие. Очень сильно тот философ отличался от Черноволенко, вернее, Черноволенко весьма отличался умением и слушать, и критиковать аргументами, а не безапелляционными оценочными суждениями. Это очень — и очень положительно — отличало Черноволенко.

Отсутствовали амбициозность, апломб...

Да, у Вилена Филипповича этого не было. Я просто вспомнил об этой черте Черноволенко, которая весьма выгодно характеризовала его по сравнению со многими, кого я знал в своей жизни, включая Институт философии тех лет. Отсутствие высокомерного отношения к собеседнику, никакого вещания свысока, никакой безапелляционности. Его отношение всегда ощущалось как уважительное отношение к коллеге.

Какие еще моменты периода твоей дипломной и кандидатской могли бы дополнить портрет Вилена Филипповича?

Был один эпизод, связанный с дипломной работой, одна идея, которая впервые у меня тогда появилась. Она, собственно, наклеивалась уже в кур-

совой, но только в дипломной работе была прописана. И поддержка тогда этой идеи Виленом Филипповичем была для меня очень важна, поскольку у Анны Ивановны она вызывала некоторые сомнения, некоторый скепсис, я бы сказал. Речь шла о том, что на определенном уровне абстракции социальная действительность (общество) предстает как множество различным образом взаимодействующих индивидов и вещей. Пока что в социологической литературе общество определяется как состоящее из людей, все, что сейчас вокруг нас, все эти вещи, с которыми мы взаимодействуем и которые используем как инструменты и т.д., прямо как элементы общества не рассматриваются.

А Черноволенко это поддержал как заслуживающий внимания аспект анализа. Он говорил, что разговоры о владении, пользовании, распоряжении чем-то, что есть внешним по отношению к обществу, не имеют такого значения, какое имеет системный анализ, при котором объекты — это элементы системы, отношения к которым влияют на поведение субъектов как элементов этой же системы.

Как, скажем, собственность на землю — основа феодальных отношений...

Да, и на землю, и на заводы, фабрики и т.д., но и на свое жилье, на свою хижину, на свою шкуру убитого зверя, которую надевали. Это первые оболочки, которые были созданы при эволюционной трансформации биологических систем в социальные. Только это уже следующий момент, уже другая идея, которая появилась позже и которую также поддержал Черноволенко. И не просто поддержал, но и помог, как и прежде, ее опубликовать. А здесь, на этом этапе, я вспомнил, что подход, который не сводит анализ общества и его структур только к отношениям между людьми, взаимодействиям между людьми, но фиксирует и опосредованные через вещи взаимодействия между людьми, — идет от Маркса, просто он у Маркса в такой прямой форме не выражен. Когда определяется общество, то средства к жизни туда не включаются, но отношения по поводу средств к жизни относятся, по существу, с самого начала ко “второй природе”. У Маркса все это есть, но именно как “вторая природа”, как нечто внешнее по отношению к обществу. Черноволенко именно тогда обратил на это внимание, что главное здесь отличие в том, что у меня это рассматривается не как нечто внешнее по отношению к обществу, а как его составная часть.

Значит, Вилен Филиппович поддержал тебя в этом поиске?

Да, поддержал. Я не уверен в том, были ли у него какие-то пересечения с Анной Ивановной по данному поводу, но помню, что ее отношение к этому ходу мысли стало гораздо более толерантным. Эта идея вошла в текст моей дипломной, а потом подтолкнула к новой дифференциации основных этапов социогенеза и к новому тогда определению основного качественного отличия общественных отношений от стадных. Статью об этом Вилен Филиппович помог мне опубликовать в журнале “Філософська думка” в 1974 году. Ему очень понравилась идея выделять человека как существо, создающее не только орудия труда, но и знаковые системы. Помощь, которую он оказал в пробивании публикации этой статьи, — это один из самых запомнившихся эпизодов работы над диссертацией.

В то время ты уже заканчивал аспирантуру?

Публикация была в 1974-м, гораздо позже, чем это было написано. Эта статья тоже долго пробивалась. До того, в 1973-м, в “Вестнике Киевского университета” была опубликована другая идея, которая у меня созрела позже, чем критерий этапов социогенеза, но опубликована была раньше...

...О смене доминант?

Да. Вилену Филипповичу эта идея особенно понравилась. Он говорил, что это первая реальная закономерность, сформулированная в макросоциологии. Сама кандидатская работа стала существенно расширенным вариантом анализа производственных отношений в дипломной, так как здесь они рассматривались уже не как отношения в “общественном производстве материальных благ” (как в советских публикациях того времени), а как отношения в “общественном производстве людьми своей жизни”, как их определял Маркс. Это и позволило сделать вывод, что форма общественного производства жизни, которая определяется доминирующим видом производства, исторически изменяется. В начальном периоде доминирует производство самих людей как живых существ. Постепенное совершенствование людьми средств к жизни приводит к доминированию производства самих этих средств. Производство средств к жизни становится целью человека, а человек — его средством. Наступает период, на протяжении которого производство жизни приобретает формы производства определенных предметных средств ее существования. На первом этапе этого периода оно было аграрным. Потом оно стало индустриальным. Теперь оно становится информационным. Это было опубликовано в 1973 году, больше 35 лет тому назад. И Черноволенко уже тогда понял, что это — реальная закономерность, связанная с тем, как изменяется соотношение производительности труда в выделенных сферах производства и, соответственно, разделение общественного труда между этими сферами. Но это отдельный разговор. Важно не только то, что Вилен Филиппович теоретически принимал новое в условиях засилья консерваторов, но и то, что он готов был морально поддерживать идеи коллег. И даже тогда, когда эти идеи подвергались нападкам влиятельных в то время “марксистов-ленинцев”.

Черноволенко обладал редким качеством интеллектуальной открытости, способностью позитивно воспринимать чужие идеи, не так ли?

Безусловно. Он умел слушать, деликатно и по сути критиковать и так же по сути оценивать положительно то, что заслуживало такой оценки, стимулировать мотивацию к творчеству. В процессе творчества каждому человеку известны некоторые сомнения, когда, с одной стороны, кажется, что чего-то достиг, а с другой — сомневаешься, не пустышка ли это, может быть то, что уже давным-давно известно. Взгляд со стороны — не обескураживающий, а наоборот, поддерживающий — очень вдохновлял. Общение с Черноволенко вдохновляло на работу.

Это отмечают многие его ученики, с кем я общался, да я сам это помню по его отношению к моей курсовой по теории познания. И весьма ему признателен.

Это вдохновляло. Я бы даже мог сказать, что неизвестно, удалось ли бы мне сделать то, что я сделал за два с небольшим года в аспирантуре: с ноября

1971-го по декабрь 1973-го. Первые месяцы 1974 года (а аспирантура заканчивалась в октябре) уже шла только шлифовка текста по редакционным замечаниям Анны Ивановны. Работа была подана к защите на кафедру на полгода раньше окончания аспирантуры. Там было два основных вывода, которые решительно поддержал Черноволенко. Первый — о завершении антропосоциогенеза с появлением существ, которые создают не только орудия труда, но и знаковые системы; и второй — о закономерности смены доминант структуры процессов воспроизводства общества (и, на этой основе, о двух следующих этапах, в том числе — о переходе от информационного общества к человекотворческому). Поддержка этих идей Виленом Филипповичем (особенно в той ситуации, когда большинство членов кафедры клеймило их, как “подрыв исторического материализма”) в моральном отношении была для меня очень важна. Понимаешь, это очень редкий случай реальной моральной поддержки, которая высвобождает какие-то внутренние ресурсы для продолжения и работы, и борьбы за нее.

Фактически возникает некий интеллектуальный тыл?

Скорее, я бы сказал, базис, основа. Тыл — это для фронта, а поскольку это не фронт... Понимаешь, это опора, чувство того, что ты работаешь не зря.

А психологически — уверенность в себе?

Да, это уверенность, по крайней мере, в этой работе. И способность создавать такую ситуацию, такую атмосферу в общении — это чрезвычайно редкое качество, как показывает прожитая жизнь. Но это качество, которым Черноволенко явно обладал. Наверное, из всех людей, которых я знаю, только несколько человек с таким же удовольствием говорили бы о работе другого человека, который для них просто знакомый. Он тоже, конечно, понимал, что его влияние на меня заметно.

Если то, что я рассказывал, выглядело для Черноволенко убедительно, он всегда умел найти такие слова одобрения, которые давали вдохновение для дальнейшей работы, а когда он критиковал, то критика тоже всегда была доброжелательной и конструктивной. А критик он был довольно пронизательный и глубокий, поэтому учесть эту критику до конца означало решить такие творческие задачи, на выполнение которых уходили месяцы и месяцы, годы и годы. Причем критичным он был прежде всего к самому себе. Если он видел, что сделанное можно сделать лучше, то сакраментальное “лучшее враг хорошего” срабатывало вполне.

Оказывая позитивное творческое влияние на многих, он сам в то время очень редко публиковал что-то. Он очень долго свои тексты вынашивал и дорабатывал, что становилось порой предметом дружеских шуток в близком кругу, но стимулировать и вдохновлять на работу — этой редкой способностью он обладал вполне.

В твоей диссертационной работе, можно считать, не только Анна Ивановна, но и он выступал в качестве наставника?

Я бы не сказал наставника.

Партнера в творческом общении?

Я бы его назвал своего рода духовным спонсором. Он создавал моральную, психологическую атмосферу общения, которая побуждала и стимулировала к размышлению, поиску ответов на вопросы, которые поставлены, и

тем самым к получению результатов. Поскольку вопросы, которые он ставил, были не о том, что уже известно, а как раз наоборот: “А вот это как? А что же здесь тогда получится?” Вопросы, которые побуждали искать ответы, когда готовых ответов нет. Он умел ставить такие вопросы. Можно сказать, что создание творческой атмосферы научного поиска — один из главных вкладов Вилена Филипповича в развитие социологии. Зная, какое влияние этот человек оказывал на молодежь, на тех людей, с которыми он работал, я уверен, что вдохновение, которым он одаривал, не было избирательно, как если бы он лишь ко мне питал такие чувства. Нет, это стиль жизни, стиль мышления, стиль общения как личностное качество.

Получается — наставничество...

Да, наставничество духовное... Не одно только “идейное”, в узком смысле, хотя и идеями он щедро делился. Главное, что он давал и создавал, — это высоконравственная и высокоинтеллектуальная атмосфера научного общения и творчества. Именно она представляла безусловную ценность для многих, кто прошел школу Черноволенко.

В психологии творчества давно пришли к тому, что творческий процесс в науке невозможен без диалога...

Совершенно верно, хотя бы внутренний диалог, как минимум. А Черноволенко умел создавать эту атмосферу диалога и ситуацию диалога реального, очень доброжелательно-критического тогда, когда в этом есть нужда и доброжелательно-одобряющего, оценивающего, создающего ощущение небесмысленности твоего труда, его ценности. Тогда что-то получается. Это дар — умение оценить другого...

Личностный дар, способность признавать результат. Это редкий дар в науке — не ревновать к достижениям других. Дар признания.

Да, совершенно верно, это дар признания. Наряду с даром критического осмысления, потому что одно без другого малоценно. Просто признание неэффективно, в чем-то оно может помочь, но вообще оно малоэффективно. А когда человек может и покритиковать, и поддержать, и признать...

...Дар компетентного признания?

Да, совершенно верно, компетентного признания. Это очень ценное качество Черноволенко...

Интервью проведено Р.Ленцовским

2008, июль — 2009, январь